

Гай Сяо и Чжоу Цзюньи — их нельзя назвать плохими людьми, их личные способности среди обычных людей уже весьма выдающиеся, но до нынешнего положения они дошли, безусловно, по своим собственным причинам.

Ся Сяньнин задумчиво произнес:

— Чжоу Цзюньи...

Ло Инбай поднял руку, прерывая его:

— Сяньнин, на самом деле ты должен понимать, что нашу с ним дружбу нельзя назвать поверхностной, но отношения не особо близкие.

Ся Сяньнин кивнул. На самом деле правильнее было бы сказать, что Ло Инбай сам по себе не был особенно близок с Чжоу Цзюньи. Ло Инбай был человеком с глубокими мыслями и хитроумным характером, но при этом очень преданным друзьям. С теми, кого он искренне любил, например, с несколькими соседями по комнате или с такими, как Гоу Сунцзэ и Вэй Шоу, он был совершенно открыт, шутил без всяких ограничений. Однако с Чжоу Цзюньи он всегда был вежлив, словно между ними была невидимая преграда.

Ло Инбай продолжил:

— У каждого свой характер и способ ведения дел. Я не сужу, что правильно, а что нет, но характер Чжоу Цзюньи слишком уж светский и изворотливый. Он редко кого обижает, но и близких друзей у него тоже нет. Мы с ним не совпадаем.

Ся Сяньнин спросил:

— Так что ты хочешь сказать?

Ло Инбай поднял на него взгляд:

— Я хочу сказать, что ты мне нравишься, а он — нет. Впредь его дела нас не касаются, не обращай на него внимания. Я больше не буду с ним общаться.

Их взгляды встретились. Ся Сяньнин улыбнулся, не выражая ни согласия, ни несогласия. Ло Инбай тоже больше не стал говорить. Для него этот вопрос уже был закрыт. Он не мог смягчиться из-за прошлых заслуг Чжоу Цзюньи или их былой дружбы.

Хотя перед Ся Сяньнином Ло Инбай всегда казался уступчивым, и его границы постоянно отодвигались, но в мире мог быть только один Ся Сяньнин.

Однако, если Ло Инбай был непоколебим, то Чжоу Цзюньи, похоже, не сдавался. После выписки из больницы в тот же день он отправил Ло Инбаю сообщение с предложением встретиться.

Но к разочарованию Чжоу Цзюньи, в чайной, где он ждал, появился не Ло Инбай, а Ся Сяньнин.

Это был первый раз, когда Чжоу Цзюньи видел его не в форме. Обычно Ся Сяньнин выглядел строгим и холодным, неприступным, его мощная аура заставляла забывать о его поле и возрасте. Но сейчас он вошел в белой рубашке и брюках, одетый довольно непринужденно, но идеальный крой и качество ткани подчеркивали аристократическую элегантность, присущую выходцу из знатной семьи, и он выглядел почти как юноша, полный энергии.

Даже будучи звездой индустрии развлечений и обладая выдающейся внешностью и актерским мастерством, Чжоу Цзюньи не смог не восхититься этим молодым человеком с ясным взглядом и изящными манерами.

Ся Сяньнин сел напротив него и первым заговорил:

— Сегодня он занят в университете, у него нет времени. Увидев ваше сообщение, где вы упомянули, что всё ещё чувствуете недомогание, я решил прийти вместо него.

Чжоу Цзюньи на мгновение замер, а затем улыбнулся:

— Вот как... Тогда большое спасибо, начальник Ся, что нашли время в вашей занятости.

Он подавил внутреннее волнение и продолжил невозмутимо:

— На самом деле ничего важного. С одной стороны, хотел просто встретиться с другом, а с другой — попросить Инбая проверить, прошла ли моя беда. Если у него нет времени, то и ладно. Вы, начальник Ся, даже пришли лично, мне действительно неловко.

Его слова явно намекали на то, что он с Ло Инбаем не церемонится, а Ся Сяньнин выглядел как чужак. Однако каждый из них понимал, кто кому ближе, и намеренное подчеркивание Чжоу Цзюньи только выставило его в невыгодном свете.

Ся Сяньнин спокойно ответил:

— Не стоит церемониться. Его дела — это мои дела.

В этой чайной чай нужно было заваривать самостоятельно. Чжоу Цзюньи, похоже, потерял к этому интерес, поэтому взял чайный набор из пурпурной глины, промыл, смочил, положил, залил, полил, провел, вдохнул аромат, перемешал и налил, движения его были грациозны и приятны глазу.

Ся Сяньнин, легко отрезав Чжоу Цзюньи, продолжил неспешно:

— На самом деле я знаю, что вы хотели увидеть его. Между нами нет дружбы, и сегодня я тоже не хотел приходить. Но у меня есть вопросы, на которые хотел бы получить ответы.

Чжоу Цзюньи сказал:

— Начальник Ся так занят работой, как я могу не сотрудничать? Отвечу на все вопросы честно и полностью.

Ся Сяньнин слегка улыбнулся и поставил чашку чая перед Чжоу Цзюньи:

— На этот раз я пришел не по работе.

Чжоу Цзюньи приподнял бровь, насторожившись из-за редкой улыбки Ся Сяньнина:

— О чем вы хотите спросить?

Ся Сяньнин прямо сказал:

— Я хочу спросить, почему вы так слушались Гай Сяо? Она выдвинула вам такие необоснованные требования, и вы, судя по всему, были против, разве вы не думали отказаться?

О чем шла речь в «необоснованных требованиях», оба прекрасно знали. Чжоу Цзюньи замер.

Ся Сяньнин дал ему время на реакцию, взял свою чашку, сделал глоток и поставил её обратно на стол, движения его были непринужденны, полны аристократической грации.

Он медленно продолжил:

— Даже если у Гай Сяо хорошее положение и она сценарист, она не может решать судьбу чьей-то карьеры. Вы не из тех, кем можно манипулировать, и у вас достаточно таланта, чтобы не прибегать к таким методам ради ресурсов. Если вы подчинялись ей из-за любви, то, судя по всему, это не так. Должна быть другая причина, верно?

Хотя всё это было правдой, Чжоу Цзюньи мог говорить об этом с Ло Инбаем, потому что хотел его понимания и сочувствия. Но услышав это из уст Ся Сяньнина, он почувствовал себя униженным.

— Прошу прощения, я уважаю вашу приватность, но по работе мне пришлось узнать некоторые детали, — без тени искренности извинился Ся Сяньнин, а затем добавил:

— Гай Сяо тоже рассказала кое-что о вашем прошлом, и я могу подтвердить, что вы говорите правду.

Его тон и содержание разговора разозлили Чжоу Цзюньи, и он возразил:

— Ну и что? Если вы говорите, что это личное, а не рабочее, то зачем вы всё это рассказываете? Неужели вы помогаете своему старшему брату проверять меня, и теперь, когда выяснили, что я невиновен, вы готовы расстаться, а он согласится на моё признание?

Ся Сяньнин усмехнулся. Пар от чашки чая окутал его лицо, придав его редкой улыбке двусмысленный оттенок:

— В чем ваша невиновность? После связи с другим человеком вы сваливаете всю ответственность на него, а затем с лицом, полным преданности, начинаете ухаживать за кем-то ещё — это невиновность?

Или... — Ся Сяньнин сделал паузу, его улыбка исчезла, взгляд стал холодным:

— Использование гу цветения персика, чтобы заставить нужного человека влюбиться в вас, а затем, когда этот человек становится ненужным, поспешно избавиться от него — это невиновность?

Чжоу Цзюньи на мгновение остолбенел, оказавшись под таким давлением, он не смог вымолвить ни слова.

Спустя некоторое время он пробормотал:

— Откуда вы это знаете? Значит, он... тоже знает?

Ся Сяньнин не ответил на его вопрос, а вместо этого положил на стол найденную в отеле гу цветения персика. Чайная утварь на столе слегка закачалась, Ся Сяньнин холодно произнес:

— Так это всё-таки вы.

Ему сейчас хотелось встать и ударить Чжоу Цзюньи, но сдержанность позволила ему остаться на месте.

Ло Инбай был прав: Чжоу Цзюньи был очень изворотливым и эгоистичным человеком. Такие люди умеют читать людей, знают, как себя вести, и всегда осознают свои интересы. Они часто обладают особым шармом, но никогда не теряют контроль и не идут на компромиссы ради кого-либо.

Когда Чжоу Цзюньи только начинал свою карьеру, Гай Сяо уже была известным сценаристом. В их отношениях Гай Сяо вкладывала больше, но Чжоу Цзюньи был уверен, что сможет добиться успеха и без неё.

Гай Сяо была одержима, в отличие от Чжоу Цзюньи, и, полюбив его, хотела быть с ним любой ценой. Когда она поняла, что Чжоу Цзюньи отвергает её требования и собирается расстаться, она через знакомых достала гу цветения персика, чтобы заставить его быстро влюбиться в неё и вступить в отношения.